

УДК 398

А. В. Панюков

Феномен самосборки в фольклоре: быличка о домовом¹

Статья продолжает разыскания автора в области применения синергетических методик к исследованию фольклора. Анализируя сюжет былички о домовом, автор демонстрирует основные принципы самосборки сюжетной структуры. Эти принципы тождественны принципам субмолекулярной самосборки «снизу вверх». Аналогом химических нековалентных, «слабых» взаимодействий выступают ассоциативно-смысловые связи, возникающие в сознании автора в результате аффективно-ассоциативного восприятия объектов действительности. Аналогом стерической и химической комплементарности здесь выступает комплементарность ассоциативно-смысловых комплексов по форме и содержанию. Множество ассоциаций соединяют взаимодополняющие компоненты в двоичную структуру, которая в ходе наррации разворачивается в линейное повествование. Таким образом, одна из нативных конформаций элементарного событийного сюжета представляет собой двойную спираль, составленную из комплементарных инициальной и финальной частей.

Ключевые слова: фольклор, нарратив, самосборка, сюжетная структура.

Panyukov A. The phenomenon of self-assembly in folklore: belief story about houses

The article continues on finding the author of synergistic techniques to the study of folklore. Analyzing the subject of belief story about houses author demonstrates the basic principles of self-assembly of the plot structure. These principles are identical to the principles of self-assembly from the bottom up. An analogue of the chemical, non-covalent, "weak" interactions here are semantic-associative links that arise in the mind of the author as a result of affective-associative perception of objects of reality. The analog of the steric and chemi-

---

¹ Статья написана по материалам доклада на XII Международной научной конференции «Семиозис и культура: языки, коды, практики» (Сыктывкар, 27—28 мая 2016 г., Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина).

cal complementarity here is complementarity associative semantic complexes in form and content. Many associations combine complementary, mutually reinforcing components in the binary structure, which in the narrative unfolds in a linear narrative. Thus, one of the native conformation of the elementary event of the plot is a double helix composed of complementary initial and final parts.

Key words: folklore, narrative, Self-assembly, plot structure.

Изоморфизм языковой системы и физического микромира, основанный на древних представлениях об атомизме языка, и сегодня является источником новых лингвистических концепций и гипотез. Однако в силу целого ряда причин текстологические исследования последних десятилетий развивались по пути умножения «атомарно-молекулярных» сущностей, что привело к появлению огромного числа дефиниций, в совокупности представляющих художественный текст как объект исследования. Между тем простое продолжение аналогий между двумя системами позволяет говорить о том, что в общем иерархическом тождестве вербальные тексты представляет собой объекты следующего, супрамолекулярного (надмолекулярного) уровня, обладающего своими специфическими характеристиками. Дальнейшее развитие этого тезиса открывает и определенное сходство принципов и механизмов агрегации «субмолекулярных» объектов, связанных с понятиями «слабые, нековалентные взаимодействия» и «комплементарность». В отличие от привычных молекул, в которых атомы объединены валентными связями (исходный аналог лингвистической валентности), в супрамолекулах удерживание отдельных фрагментов происходит за счет совершенно иных — вторичных, слабых, нековалентных межмолекулярных взаимодействий (водородные связи, электростатические силы, гидрофобные взаимодействия и другие). Образование супрамолекул подразумевает комплементарность (геометрическую и химическую взаимодополняемость) составляющих ее элементов, называемых молекулярными рецептором и субстратом. В молекулярной биологии наиболее распространено понятие структурной комплементарности по принципу «ключ — замок». Общеизвестная модель двойной спирали ДНК основана на таком типе комплементарности четырех азотистых оснований. Взаимодействие комплементарных фрагментов или биополимеров приводит к образованию множества вторичных, слабых

связей с достаточно большой суммарной энергией, что приводит к образованию устойчивых молекулярных комплексов. В переводе на язык лингвистики комплементарность приводит к образованию ассоциативной сети. В соответствии с иерархией ассоциативно-смысловые связи, участвующие в создании «супрамолекулярного» макрообъекта, «текстоцентричны» по определению, что отвечает исходным постулатам текстоцентрического подхода в исследованиях вербальных ассоциаций (положение об ассоциативной паре «стимул-реакция» как акте предикации). Формирование супрамолекулярных ансамблей может происходить самопроизвольно — такое явление называют самосборкой. Под самосборкой понимается процесс, в котором небольшие молекулярные компоненты самопроизвольно соединяются вместе, образуя намного более крупные и сложные супрамолекулярные агрегаты. Молекулярная самосборка является важным аспектом подхода «снизу вверх»: параметры итоговой структуры задаются формой и функциональными группами молекул. Факторы, которые направляют самосборку, — форма молекул, баланс между энтальпией и энтропией, природа нековалентных связей (об этом, напр., [10]).

Ранее на примере одного сюжета исторического предания [6] нами были продемонстрированы основные этапы самопорождения сюжетной структуры. Эти принципы тождественны принципам субмолекулярной самосборки «снизу вверх» (в порядке иерархического усложнения надмолекулярной структуры). Аналогом химических нековалентных, «слабых» взаимодействий в «супрамолекулярной» интерпретации текста выступают ассоциативно-смысловые связи, возникающие в сознании автора в результате аффективно-ассоциативного восприятия объектов действительности. Аналогом стерической и химической комплементарности, соответственно, являются комплементарность по форме и содержанию спонтанно возникающих в ходе «осюжечивания» событий (N-ной степени рефлексии над действительностью [2]) ассоциаций. Множество ассоциаций соединяют комплементарные, взаимодополняющие компоненты в двоичную структуру, которая в ходе наррации разворачивается в линейное повествование. Таким образом, одна из нативных конформаций элементарного событийного сюжета представляет собой двойную спираль, составленную из комплементарных инициальной и финальной частей.

Продолжая продвижение от частных случаев к общему построению концепции самосборки сюжета, в данной работе мы обратимся к еще одному традиционному повествовательному жанру фольклора — быличке.

В наиболее обобщенном понимании быличка представляет собой суеверный рассказ небольшого объема, в котором представлен конкретный случай встречи с мифологическим существом. В основе большинства подобных мифологических повествований лежат сюжеты причинно-следственного типа с мифологической связкой (мифологические представления и верования, регламентирующие отношения между миром людей и миром демонов), личным хронотопом (пространственно-временные координаты ориентированы на рассказчика и его ценности), строгой или нестрогой достоверности со следующим возможным набором функций: идентификационной, дидактической, регулятивной, ориентационной, психотерапевтической [1]. Будучи одной из нарративных форм трансляции традиционных знаний о мире, быличка может быть определена как мифологическое повествование, актуализирующее ряд фундаментальных мифологических представлений в виде дискретных повествовательных формул (мотивов-явлений, действий и т. п.), «разворачивающих» (в индивидуальной интерпретации, в применении к отдельной человеческой судьбе) совокупность мифологических образов, в основном являющихся персонификациями сакральных сил, не развившимися до уровня высших божеств. Таким образом, быличка играет роль своеобразного демпфера между человеком и вероятностным миром природы, с одной стороны, и отдельным, индивидуальным событием человеческой жизни и событием архетипическим — с другой [3].

Отталкиваясь от такого понимания этого повествовательного жанра, проанализируем один текст былички и попытаемся ответить на вопрос: как она возникла?

Лошадка у нас была. Стучал кто-то ночью долго в доме, нам спать не давал. Колотил и колотил всю ночь. Утром мама встала, помелом постучала, положила творогу в дырку и говорила: “Батюшко милостливый, какое ты нам горе принес? Какую беду принес?” Он еще три раза постукал. Федя поехал, лошадь помчалась аж по всему Соликамскому тракту, добежала до поленицы у завода и пала. А тут татары работали, побежали и давай стучать по ушам. Федька добежал, а лошадь уже мертвая была. Сдал он ее на мыло [7, с. 64].

Предложенный фольклорный текст соответствует большинству характеристик элементарного повествования: перед нами простейший «концентрический» — сконцентрированный вокруг одного события сюжет; этот сюжет представляет простейший вариант причинно-следственного типа «осюжетивания» — когда событиям текста присваиваются значения события-причины и события-следствия и они связываются отношениями каузальности. Кроме того, сюжет идеально подходит для вышеприведенного определения «былички»: индивидуальное событие — неожиданная гибель лошади обретает статус архетипического события — «предсказанное несчастье», воплощенного в столкновение человека с демонологическим персонажем.

Вариант интерпретации 1. Быличка — актуализированная демонология

Мифологический рассказ имеет традиционную мотивировку: домовой показывается перед несчастьем. Однако этот элементарный с точки зрения поэтики сюжет в «Указателе сюжетов и русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах» оказывается разорванным на несколько мотивов: Б1-9б «Домовой предсказывает будущее» (показывается или воет перед несчастьем) — но здесь нет «стучит»; Б1-5г «Домовой ночью в доме: «шалит» (?); Кроме того, сюжет осложнен еще и устойчивой семантической связью «стук — гроб — смерть» и не менее устойчивыми для современной демонологии представлениями о полтергейсте, или *барабашке* (от слова *барабанить* — термин, принятый в нашей стране как обозначение полтергейстных явлений). Полтергейст объединяет в себе широкий спектр явлений, как обычных и легко объяснимых, так и физически необъяснимых, зачастую предполагающих вмешательство некоего квазиразумного начала, являющегося невидимым для человека. Сообщение об «отечественном полтергейсте», облетевшее всю страну, было опубликовано в газете «Труд» за 5 октября 1988 г. Речь шла о невидимом духе, объявившемся в одном из московских общежитий и названном *барабашкой*. Обнаружил он себя стуком. Девушки наладили контакт с ним, условившись, что один стук означает «да», а два стука — «нет». Встреча с этими девушками состоялась в новогоднем (1 января 1989 г.) выпуске передачи «Очевидное — невероятное», причем в ней принимал участие и невидимый *барабашка*. На этот раз стук *барабашки* слышали миллионы телезрителей. Этот

выпуск передачи повторялся в телеэфире еще два раза, после чего публикации о феномене *барабашки* прошли волной по многим газетам. В дальнейшем *барабашка* исчез из поля зрения журналистов, однако само имя осталось за названием феномена, означающего наш, отечественный, полтергейст. Анализируемый текст был опубликован в 1991 г., точную дату записи нам пока не удалось выяснить, но, по нашему убеждению, исключать эту связь нельзя. О явных аналогиях с образом *барабашки* говорит и включенный в фабулу анализируемой былички окказиональный обряд «вызывания домового»: домового вызывают стуком, ставят угощение и спрашивают; тот, как и *барабашка*, отвечает стуком, подтверждая негативный смысл своего «предсказания». Этот обряд «слеπлен» из вполне вычленимых компонентов: традиционные ритуалы угощения домового; устойчивый сюжет «диалога» с МП: домовый давит, на вопрос человека отвечает «ху-у-у» («к худу»). Кроме того, несмотря на то, что тема «стук — смерть» реализуется и в традиционных святочных гаданиях, очевидно, что здесь образ домового слился с образом «стучащего» духа. Таким образом, при сюжетно-тематическом подходе сюжет данной былички может быть представлена как «сложносочиненная» конструкция из нескольких мифологических «заготовок»:

- 1) Б1-5г «Домовой ночью в доме: «шалит»;
- 2) Б1-9 «Домовой предсказывает будущее»;
- 3) традиционные гадания на будущее с акустической семантикой «стук — (сколачивание гроба) — смерть»;
- 4) не менее устойчивые для современной демонологии представления о полтергейсте и/или о барабашке;
- 5) включенное в фабулу описание окказионального обряда «вызывания домового», в свою очередь, скомпонованного из обрядового угощения домового, мотивов диалога с домовым и стучащим духом — барабашкой.

Остальная, «немифологическая», часть, в соответствии с жанровыми критериями, реализует «установку на достоверность» и статус «свидетельского показания» былички. Даже если отбросить «немифологические» подробности как периферийные детали фабулы, возникает явное несоответствие между «однособытийным» сюжетом и «сложносочиненностью» «дискретных мифологических представле-

ний», воплощенных в нем. Поэтому попытаемся еще раз перечитать текст и обратить внимание на его стилистику.

Вариант 2. Лингвосемантический подход к тексту

Этот подход, предложенный и опробованный нами в ряде публикаций [7; 8], основан на попытке связать сюжет мифологического рассказа не с архетипическим «авантекстом», а с языком его изложения. Несмотря на то что анализ собственно содержания уже предполагает несколько вариантов «расшифровки» сюжета, лингвосемантический подход позволяет вычленивать из текста ту конкретную деталь, которая послужила ключом к реализации устойчивого мифологического мотива. Мы выделили два фрагмента: мифологический интекст: «кто-то стучал и не давал спать» и его контекстуальный «двойник»: «татары...давай стучать по ушам...мертвой лошади», которые в таком виде текстуально связаны между собой. На уровне логической структуры они идентичны:

Субъект — действие — объект

МП будит стуком спящих людей (интекст)

Татары будят стуком мертвую лошадь (контекст)

На «языке» интекста контекст можно выразить так «татары будят стуком спящую мертвым сном лошадь», и наоборот — «МП стучит/бьет по ушам спящим людям». Соответственно, буквальное (сигнификативное) значение идиом «стучать/бить по ушам» (сильный источник звука оказывает неприятное воздействие на слух человека) и «мертвого разбудить» (издавать такой назойливый звук, громкий шум, от которого нельзя не проснуться) и реализуется как истинный смысл мифологического события — последующего, «предсказанного» несчастья, когда татары *стали стучать по ушам*, чтобы поднять, *разбудить мертвую* лошадь.

При этом возникает возможность совершенно иного перераспределения «реального» и «вымышленного»:

Мифологическое

Реальное

МП «стучит/бьет по ушам» так, что «мертвого разбудит». Татары «стучат по ушам» павшей лошади, пытаясь разбудить мертвую

При таком распределении компонентов данный сюжет приобретает специфическую лингвосемантическую структуру:

Происходит реальное событие, четко зафиксировавшееся в памяти рассказчика: *...лошадь помчалась аж по всему Соликамскому тракту, добежала до поленицы у завода и пала. А тут татары работали, побежали и давай стучать по ушам. Федька добежал, а лошадь уже мертвая была.*

Выраженное в таком виде это событие парадоксальным образом накладывается на языковые метафоры («стучать/бить по ушам», «разбудить мертвого») и на основе демонологических знаний исполнителя возникает мифологический «дубликат»: домовый стучит, предвещая последующее несчастье. Образ этого «стучащего» домового явно восходит к представлениям о *барабашке*.

Однако именно парадоксальность этих метафорических наложений вызывает целый ряд вопросов, связанных с предикацией «доверности»:

Вопрос 1: Насколько случайно у «заведенной» (т. е. ставшей «неуправляемой машиной») лошади заканчивается «завод» точно у стен завода?

Вопрос 2: Насколько случайно возникает образ соликамского тракта?

Соликамский тракт — современное название одной из улиц г. Соликамска; исторически — часть Сибирского тракта (Бабиновский тракт «Соль-Каменская — Тобольск»). На первый взгляд, топоним *Соликамский тракт* естественным образом ассоциируется с городом Соликамском и его заводскими предприятиями, начиная от знаменитых солеваренных заводов, закрывшихся в середине прошлого века, и заканчивая известными на весь мир предприятиями горнохимической промышленности (добыча калийных солей и производство минеральных удобрений), металлургии (Соликамский магниевый завод). Мы не можем однозначно опровергать реальную приуроченность описываемого случая гибели лошади к хронотопу «Соликамский тракт — поленица у завода». Тем не менее для носителя данной повествовательной традиции сама ассоциация «тракт — Соликамск — завод» явно обладает особой маркированностью — качеством некоего «идеального» места для трагической с точки зрения исполнителя гибели центрального персонажа («большое горе» = «большая дорога» = «большой завод»).

Вопрос 3: Насколько случайно именно в момент гибели лошади появляются «татары» и пытаются привести ее в чувство?

На первый взгляд, для пермского края, где был записан данный текст и где татары занимают второе место по численности (около 5 % населения Пермской области), появление такого этнического маркера вполне допустимо. Однако нельзя отрицать и того, что ассоциативная связь «лошадь — татарин» характерна для русских представлений о татарах, а для пермских русских еще более очевидна. Так, например, из ассоциативно близких к теме «лошадь-конина-татарин» паремий можно отметить пермский фразеологизм татары *наверно съели его с кобылой вместе* (о человеке, долго не возвращающемся). Но для данного сюжета обнаруживается еще более конкретный образ, поскольку именно в пермском диалекте русского языка (т. е. там, где была записана эта быличка) зафиксирован фразеологизм *татара (молотят) в голове*. Этот фразеологизм метафорически обозначает головокружение, головную боль, тяжесть: «Сёдни я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове» [9]. Для наших лингвосемантических рассуждений важно, что эта метафора может быть связана не только с идиомой *стучать в висках*, но и с тем, что этноним *татара* в русском языке явно имеет звуко-смысловую связь с образами стука: *та-та-та, тар-тар-тар*. Таким образом, перед нами открывается еще одна структурная связка между инициальной и финальной ситуациями «домовой стучит — *татара молотят в голове* — татары стучат по голове павшей лошади».

Опираясь на анализируемый текст, можно отметить еще ряд «периферийных» аттракций, которые тоже могли быть задействованы здесь: «*на мыло*» — *татарин*: фитонимы *татарское мыло, татарские мыльца*;

«*мыло-татарин-тоска/горе*» (в пермских говорах): «Эта трава от тоски помогает. Вот ведь если не татарские мыльца, то уж не знаю, чё бы со мной было — ведь сколько я тосковала»; «От тоски пили татарские мыльца, у воды растут, цветки красные, а листики-те узкие, длинные» [8; цит. по: 9]

«*татарин — голова — башка*»: *не бей по голове, колоти по башке* (поговорка); идиома *секир башка*;

учитывая этническую специфику населения Пермской области, стоит иметь в виду и *татарские фразеологизмы*, например: *Адам ба-*

шы белән ат башы күрә (дословно: все переносят головы человечья да конская) = Беда вымучит, беда и выучит;

демонологические аттракции: Шапка-татарка (синонимично — *чертова шапка*) *вся в заплатках* (отгадка: *каменка*).

Ну и здесь уместно вспомнить еще одну метафору, связанную с образом татарина — это метафора тишины: фразеологизм *татарин родился* — о моменте наступившей мгновенной тишины (известный во множестве других вариантов). В контексте нарративной реальности эта метафора тишины как бы и создает за-текстовый, за-событийный фон.

Таким образом, при всех соответствиях традиционному представлению о быличке, совершенно очевидно, что данный сюжет возникает в результате многочисленных «внутренних», языковых аттракций, не связанных с «мифологическими мотивами» или мифологическими «ментальными матрицами». Эти аттракции можно представить в виде тандема ассоциативных пар, создающих оппозицию «мифологическое / реальное»:

<i>Мифологическое</i>	<i>Реальное</i>
<i>татара молотят в голове</i> «та-та-ра» (стучать, барабанить)	татары стучат по голове лошади татара
МП «бьет по ушам» так, что «мертвого разбудит»	Татары бьют по ушам лошади, пытаясь разбудить мертвую лошадь

Представленная в таком виде структура повествования обладает зеркальностью, только «зеркалом» оказывается не мифология, а сам язык. Две части структуры разворачиваются в нарративе как две составляющие традиционной картины мира, однако двуединство мифологического и реального вторично по отношению к комплексности спонтанно возникших ассоциативно-смысловых аттракций, абсолютно не имеющих отношения к мифологическим представлениям.

Вариант интерпретации 3. Самосборка структуры сюжета

Чтобы понять, как из этого множества ассоциативно-смысловых аттракций возникает сюжет, попытаемся повторить тот путь дискурсивизации, который должно пройти нарративное сознание, направляемое сюжетным «вектором» с известной координатой «гибель лошади».

Уровень 1. Происходит *со-бытие*, выбивающееся из обыденного круга происшествий: неожиданная гибель лошади в дороге.

Уровень 2. Получив событийную предикацию, эта смысловая связка «неожиданная гибель лошади в дороге» начинает структурировать вокруг себя ассоциативно-смысловое поле, очертания которого определены тем, что:

— мотив гибели обладает минимальным набором предикативных позиций:

Время-место действия — субъект действия — действие — объект действия

	S	A	O
--	---	---	---

День / в дороге	?	падеж	лошадь
-----------------	---	-------	--------

Уровень 3. Вокруг этой связки-мотива возникает событийная матрица с «пустыми» позициями, требующими заполнения. Структуру этой матрицы можно представить в виде трехчастной схемы: *начало, финал* и некая *причинно-следственная связь*, превращающая события в сюжет.

В соответствии с событийной логикой мотив гибели занимает в матрице позицию финала:

инициальная ситуация — причинно-следственная связь — финальная ситуация

ИС	—	ПСС	—	ФС
?	—	?	—	гибель лошади

(Для удобства выражения заменим срединный элемент «причинно-следственная связь» знаком «//»; мы к нему вернемся позже).

Уровень 4. Эта событийная матрица уже обладает определенной логической структурой, поскольку финальная субъектно-объектная триада (субъект S — действие A — объект O) формирует свое «зеркальное» отображение — т. е. инициальная часть потенциально обладает подобной же субъектно-объектной «триадой», но зеркально противопоставленной ($S^{-1}-A^{-1}-O^{-1}$), как, собственно, начало и конец. Соответственно, возникают контуры некоего *анти-события с анти-ролями* (т. е. меной субъектно-объектных и качественно-количественных позиций):

антисобытие		//		событие
S^{-1}	—	A^{-1}	—	O^{-1}
?	—	?	—	?
Тема жизни	//	тема смерти	//	?
				— гибель — лошадь

— мотив гибели обладает минимальной топологией, соответствующей событийной последовательности «до» — «после»; которой соответствует хронотоп «днем на дороге». К этому хронотопу подбирается комплементарная пара. Объективные знания о причинах подобных происшествий (лошадь могла понестись, сильно испугавшись чего-то/кого-то) определяют психофизиологический вектор последующих ассоциаций: *ФС* связана со страхом, с открытым пространством, с агорафобийными ощущениями; соответственно, *ИС* осмысляется как закрытое, узкое, тесное, клаустрофобийное пространство (с возможными звуко-смысловыми аттракциями «страх-пространство / ужас-узость»):

<i>ИС</i>	<i>ФС</i>
ночью в доме	днем на дороге
клаустрофобия	агорафобия

Уровень 4. Пустые позиции начинают заполняться наиболее сильными ассоциативными компонентами. Поскольку синтаксическая конструкция «лошадь понеслась и пала» не предполагает позиции «субъект действия», заложенной в событийной матрице, комплементарность частей можно выразить в виде обобщенных формул: «нечто/ некто приводит к падению/ умиранию лошади» — «нечто/ некто приводит к анти-действию, т. е. к подъему/ оживлению (чего-то/ кого-то)». Ассоциативные пары «лошадь — хозяин», «лошадь — всадник/ возничий, кучер», возможно, еще и «лошадь — татарин» образуют своего рода «первичную» структуру, непосредственно связанную с исходным событием «гибель лошади». С образом мертвой лошади возникают две основные связи «мертвая лошадь — падаль» и «мертвая лошадь — конина — татары», которые далее разворачиваются в крупные ассоциативные блоки, организующие «вторичные» структуры. Кроме того, дальнейшее заполнение матрицы связано с появлением качественно-количественных ассоциаций. «Первичную» структуру можно выразить так:

A^{-1} «подъем; оживление» // A — «падение = «падеж», «умирание»

Объект действия — человек (много) // Объект действия — лошадь/ не человек (один)

Субъект действия — не человек (один) // Субъект действия — люди/ татары (много)

Время — ночь	//	время — день
Место — в доме	//	место — на дороге

Уровень 5. При наложении анти-хронотопа *ночью в доме* и анти-субъекта *не человек* совершенно естественно возникает образ *домового*:

S^{-1}		S
Субъект — <i>домовой</i>	// ?	люди / татары
(не человек, один, ночью, в доме) // (человек, много, днем, на дороге)		

Если в этом месте «разорвать» возникшую структуру, то перед нами возникает контур сюжета, вполне соответствующий сюжетной схеме или мотиву «домовой предвещает несчастье». Однако в нашем случае контуры (многомерность) комплементарного сближения двух частей (*ИС — ФС*) макромолекулы задают именно «вторичные» связи.

«Вторичная» структура

Основой выделения ассоциативных связок во «вторичную» структурную цепь является обособленный уровень заполнения событийной матрицы $S^{-1} — A^{-1} — O^{-1} // S — A — O$, «второстепенный» по отношению к основному событию, или, корректнее, — параллельный «первичной» структуре. Процесс сборки вторичной структуры можно выразить так:

Уровень 1. Происходит *со-бытие*, выбивающееся из обыденного круга происшествий: неожиданная гибель лошади в дороге.

Уровень 2. Это событие переживается (вероятно, неоднократно) и осмысливается нарратором, что вызывает состояние психофизиологического дискомфорта (головокружение, головную боль, тяжесть), соответствующее идиоме «татара молотят в голове». Вероятно, это состояние соотносено с отмеченным выше фобийным вектором: субъективное, закрытое, внутреннее, клаустрофобийное ощущение «татара в голове молотят» — открытое пространство переживаемого события — гибели лошади.

Уровень 3. Идиома «татара молотят в голове» включается в ассоциативно-смысловое поле «первичной» структуры, возникают ассоциативные связки «лошадь — татарин», «мертвая лошадь — конина — татары».

Уровень 4. Эти ассоциативные связки разворачиваются в крупные ассоциативные блоки: <«татара в голове стучат» / татары стучат по голове> — <«стучать, бить по ушам» — «будить мертвого» / стучать, бить по ушам — будить мертвую лошадь — татарин — лошадь> — <«бить по ушам» — «барабанить» (бить в барабанные перепонки) — «та-та-ра» / стучать, барабанить — татара>.

S ⁻¹	—	A ⁻¹	—	O ⁻¹	//	S	—	A	—	O
?	—	?	—	?	//	?	—	гибель	—	лошадь
				Тема жизни	//	тема смерти				

«татара» «стучат в голове» человека // татары стучат по голове лошади

звук «та-та-ра» «будит мертвого» человека // татары будят мертвую лошадь

издающий звук «та-та-ра» «бьет по ушам» человека // татары бьют по ушам лошадь

издающий звук «та-та-ра» «барабанит» (бьет в барабанные перепонки) человека // татары барабанят по ушам лошади

Уровень 5. Возникает ассоциативная связка «татара — та-та-ра — стучать — барабанить — барабашка — домовой», соединяющая «первичную» и «вторичную» структуры в единую макроструктуру. Возможно, здесь задействован и ассоциативный стимул «нечистый» (конина — «нечистое» мясо, татарин — нехристь, фольклорные аттракции «татарин — черт»), закрепляющий компоненты «домовой — татарин».

Обратим особое внимание на то, что именно появление этого уровня определяет специфику анализируемого сюжета былички, то есть сюжет самозарождается именно тогда, когда возникает аттракция «татара — та-та-ра — стучать — барабанить — барабашка». Гипотетически в данном случае мог проявиться эффект «отложеного знания», то есть воспоминание о гибели лошади, отложившееся в подсознании нарратора (в виде «первичной» структуры, текста-примитива или довербальной «ментальной матрицы»), «запустило» механизм самосборки сюжетной структуры.

Уровень 6. Происходит дальнейшее комплементарное сближение частей ИС и ФС: <«заводитсяся» / призаводитсяся (прискакать к

заводу) — «завод» / завод> — (? < конина — «на мыло» / татарские мыльца>); дальнейшее расширение фобийных ассоциаций.

Структура макромолекулы сюжета

Инициальная часть	Финальная часть
Жизнь	Смерть
Подъем	падеж
Пробуждение	засыпание
S ⁻¹ — не человек	S — человек
S ⁻¹ — один	S — много
O ⁻¹ — «человек»	O — «не человек»
O ⁻¹ — много	O — один
время «ночью»	время «днем»
место «в доме»	место «на тракте»
клаустрофобийное	агорафобийное
«татара в голове молотят»	татары стучат по голове
A ¹ «мертвого разбудить»	A «будить мертвого»
«бить, стучать по ушам»	стучать по ушам
«барабанить»	
(бить в барабанные перепонки)	бить по голове лошади
«та-та-ра»	татара
барабашка	татара
«завод»	у завода
«заводиться»	«призаводиться»
	(прискакать к заводу)

Причинно-следственная связь (ПСС)

Теперь вернемся к третьему необходимому для сюжета компоненту — причинно-следственной связи между инициальным и финальным событиями. В данном тексте этот компонент достаточно легко вычленяется, поскольку обладает своим хронотопом («утром в доме») и своим набором «действующих лиц»: *Утром мама встала, помелом постучала, положила творогу в дырку и говорила: “Батюшко милостливый, какое ты нам горе принес? Какую беду принес?” Он еще три раза постучал.*

Выше мы уже отмечали, что этот микросюжет «слеπлен» из целого ряда окказиональных «фрагментов», по сути представляющих собой гиперссылки к целому спектру этнографических знаний. На фо-

не основного мифологического события этот компонент может быть выделен как самостоятельный микросюжет. Если попытаться спроецировать содержание этого микросюжета на представленную выше ассоциативно-смысловую структуру, то нетрудно заметить, что основные ассоциации (предикации) те же самые, но здесь они «вывернуты» (негативны) и скомбинированы: «разбуженные стуком» люди «будят стуком» «стучавшего» домового, задают ему вопрос человеческим языком, на который тот утвердительно отвечает стуком. Троекратный стук может быть интерпретирован как троекратное «да». Соответственно, хронотоп *ПСС* «слеплен» из двух хронотопов *ИС* и *ФС* и противопоставлен обеим частям: время «не день и не ночь = утро»; пространство «в доме, но нейтральное (не агорафобийное и не клаустрофобийное; «не там и не здесь / не внутри и не снаружи»); в контексте семиотики дома, основное событие *ПСС* происходит на границе мифологического и нейтрального пространств (под «дыркой», куда ставится угощение домовому, здесь может иметься в виду как отверстие в подпечье, так и подполье). Этому комбинированному хронотопу соответствует комбинация субъектно-объектных отношений: в микросюжете *ПСС* можно выделить две субъектно-объектные пары, инверсированные друг другу: 1) субъект действия «стучать» — «человек», объект действия — МП, скомбинированный из *ИС* и *ФС* ($S1 = S$ «люди» + S^{-1} «один»; $O1 = O^{-1}$ «разбуженный стуком» + O «разбуженный людьми») 2) субъект действия «ответить» — «МП», объект действия — «человек» ($S2 = S^{-1}$ «стучающий МП» + S «люди»; $O2 = O^{-1}$ «люди» + O «один»). Соответственно, каждой субъектно-объектной паре соответствует $A1$ «постучать помелом = обратиться с вопросом, а не «молотить всю ночь», $A2$ «стукнуть три раза в ответ, а не «молотить всю ночь». В двоичной структуре сюжета эти «комбинации» могут быть отражены как диагональные, перекрестные связи ассоциативных пар. В трехмерном представлении диагональные «стяжки», противодействуя первичным, горизонтальным и вертикальным связям, сворачивают двоичную цепь в спираль (см. рис. 1).

Развивая дальше этот образ спиралевидной структуры, внесем в него еще одну корректировку: когда мы в нашем ассоциативном «прочтении» сюжета доходим до последней предикации и переходим к ассоциативному ряду *ПСС*, мы непротиворечивым образом «считываем» ту же структуру, но как бы с обратной стороны или ее «негатив» («не днем — не ночью», «не в доме — не на улице» и т. д.; при этом ле-

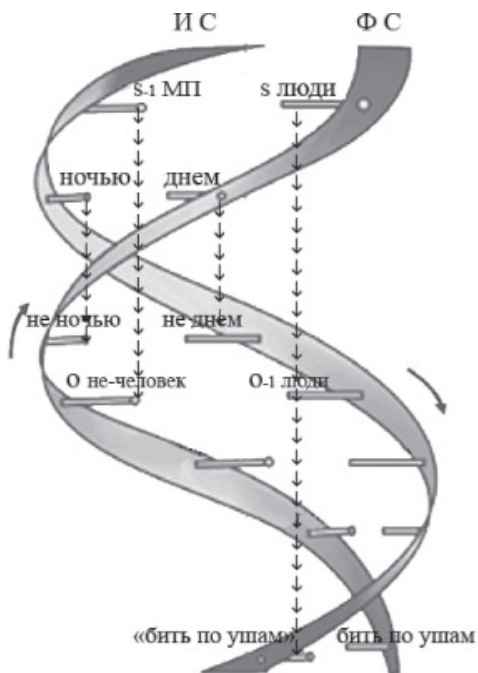

Рис. 1.

вая цепь ИФ структуры проецируется на финальную часть, и наоборот). В соответствии с «линейным» текстом былички в качестве последней предикации можно принять ассоциаты времени: «...*колотил всю ночь. Утром мама встала...*». Для того чтобы, не пересекая ассоциативных рамок, попасть на оборотную сторону, наша двойная цепь должна быть замкнута в виде «ленты Мебиуса». Таким образом, набор ассоциативных пар не просто конечен, но и циклически замкнут.

Итак, мы имеем замкнутую в виде «ленты Мебиуса» двойную цепь ассоциативно-смысловых пар, представляющую структуру будущего сюжета. Далее, уже в ходе дискурсивизации нарративное сознание расщепляет (образно можно сказать — раскрывает замок-«молнию») двоичную структуру сюжета и превращает ее в линейный текст повествования.

* * *

1. Веселова И. С. Жанры современного городского фольклора: повествовательные традиции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. (На правах рукописи.).

2. Веселова И. С. Событие жизни — событие текста // Фольклор и пост-фольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova5.htm>)

3. Власова М. Н. Былички (Базовые мотивы в их эволюции): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. (На правах рукописи.). URL: <http://cheloveknauka.com/bylichki-bazovye-motivy-v-ih-evolyutsii> (Дата обращения: 11.04.2016)

4. Панюков А. В. К проблеме поэтики устных мифологических рассказов: лингвосемантический подход // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 9. Сб. научных статей по материалам конференции. М., 2006. С.86-105.

5. Панюков А. В. Семантические модели языкового концепта «водить воду» // Фольклор и художественная культура. Современные методологические и технологические проблемы изучения и сохранения традиционной культуры. (Серия «сохранение и возрождение фольклорных традиций». Вып. 13). М., 2004. С. 194-200.

6. Панюков А. В. Феномен самосборки в фольклоре: сюжет об убийстве князя Василия Вымского // Семиозис и культура: интеллектуальные практики: монография / науч. ред. И. Е. Фадеева, В. А. Сулимов. Сыктывкар: Коми пединститут. 2013. С. 199—211.

7. Правдивые рассказы о полтергейсте и прочей нежити на овине, в избе и бане / сост.: К. Шумов, Н. Преженцева. Пермь: Янус, 1993.

8. Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

9. Сироткина Т. А. Речевые маркеры этнического компонента народной культуры (на материале этнонимии Пермского края) // Традиционная культура Русского Севера: история и современность. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера / Редколлегия: Т. Г. Иванова (ответственный редактор) и др. Петрозаводск, 2007. URL: http://kizhi.karelia.ru/specialist/pub/library/rjabinin2007/4_lang/sirotkina.htm (Дата обращения 01.04.16).

10. Федеральный Интернет-портал «Нанотехнологии и наноматериалы». URL: <http://portalnano.ru/read/tezaurus/definitions/self-assembly> ((Дата обращения 01.04.16).